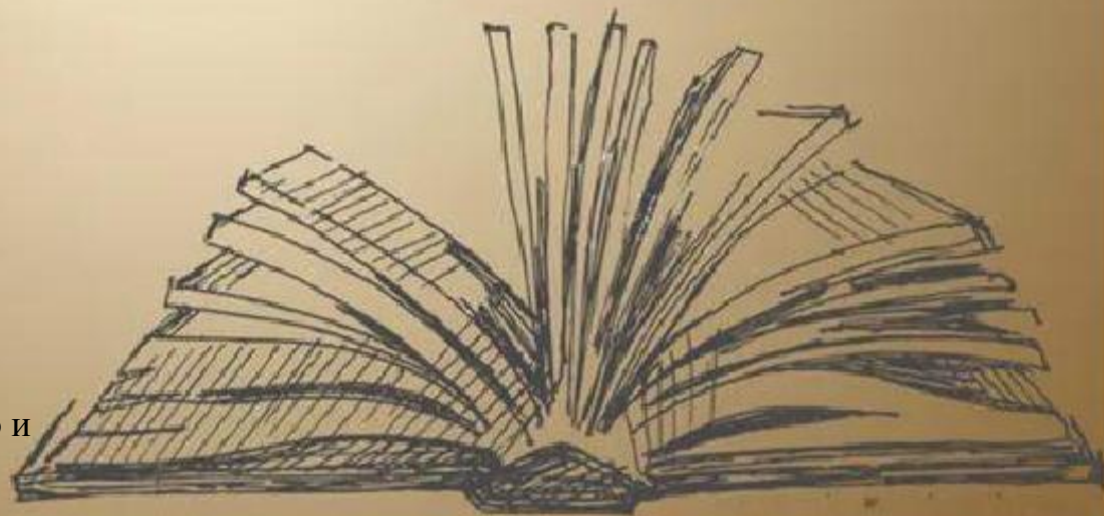

к 350-летию со дня рождения Петра I

Петр I

в произведениях литераторов Мордовии

Подготовила:
Шведкова В.С. – зав. музеем А.И. Полежаева –
филиал МБУК «Мемориальный музей военного и
трудового подвига 1941-1945 гг.» г.о. Саранск

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I

Учитывая большое значение реформ Петра I для истории России и в связи с исполняющимся в 2022 году 350-летием со дня его рождения, постановляю:

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2022 году 350-летия со дня рождения Петра I.

2. Правительству Российской Федерации:
в месячный срок образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I и утвердить его состав;

в 3-месячный срок обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I.

3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 350-летия со дня рождения Петра I.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
25 октября 2018 года
№ 609

Путин Владимир Владимирович - Президент
Российской Федерации

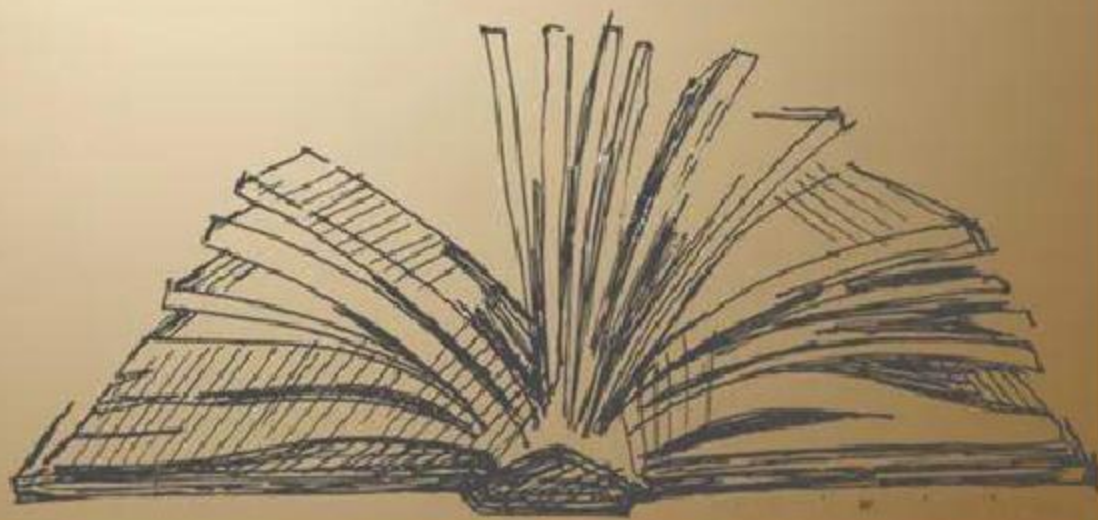

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

Пётр I со знаком ордена Св. Андрея Первозванного на голубой Андреевской ленте и звездой на груди.
Худ. Ж.-М. Наттье, 1717 г.

Петр I – последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский, полководец, дипломат, выдающийся государственный деятель. Основатель Санкт-Петербурга, русского флота.

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

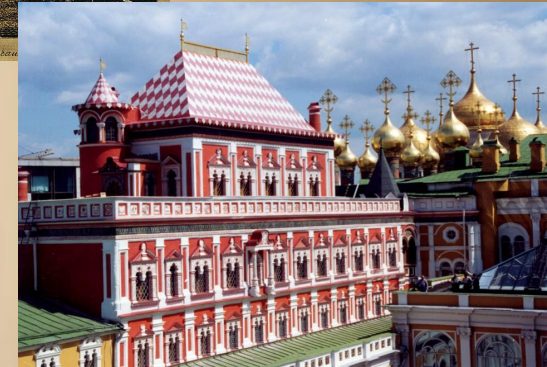
Пётр Первый родился в ночь на 30 мая (9 июня) 1672 года в Теремном дворце московского Кремля. Представитель династии Романовых. Являлся сыном Алексея Михайловича Романова и Натальи Кирилловны Нарышкиной.

«Пётр I на смертном одре».
Худ. И. Н. Никитин.

Император Петр I скончался 28 января (8 февраля) 1725 года. Похоронили царя в Петропавловском соборе Петропавловской крепости в городе Санкт-Петербург.

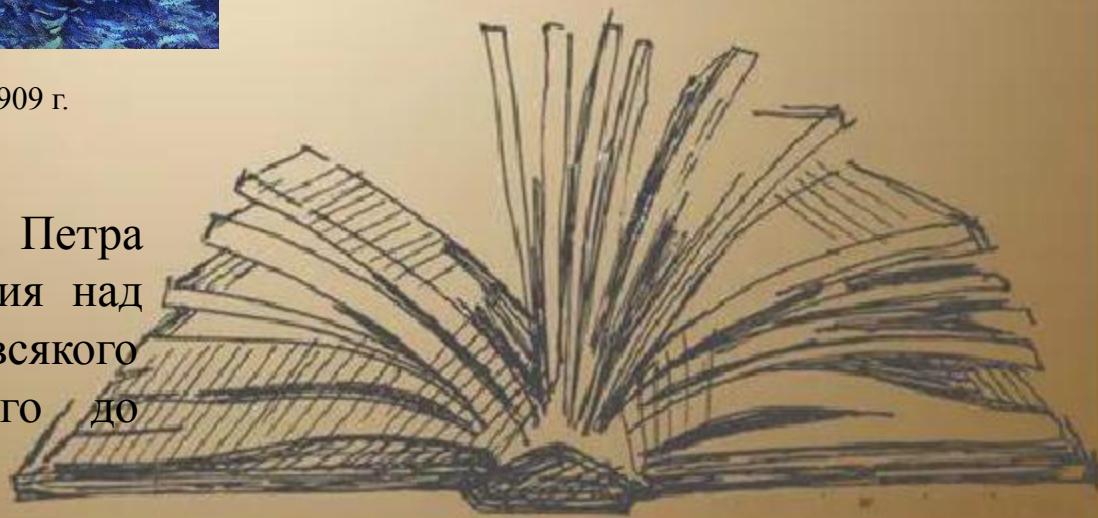
к 350-летию со дня рождения Петра I

Корабли времен Петра. Худ. Е. Лансере. 1909 г.

Годы правления Петра I стали для России временем масштабных реформ. Он значительно расширил территорию государства, невероятно поднял экономику, основав целую сеть металлургических и стекольных заводов.

Не смотря на то, что все реформы Петра Первого достигались за счет насилия над населением и искоренения всякого инакомыслия, личность Петра Великого до сих пор вызывает интерес.

к 350-летию со дня рождения Петра I

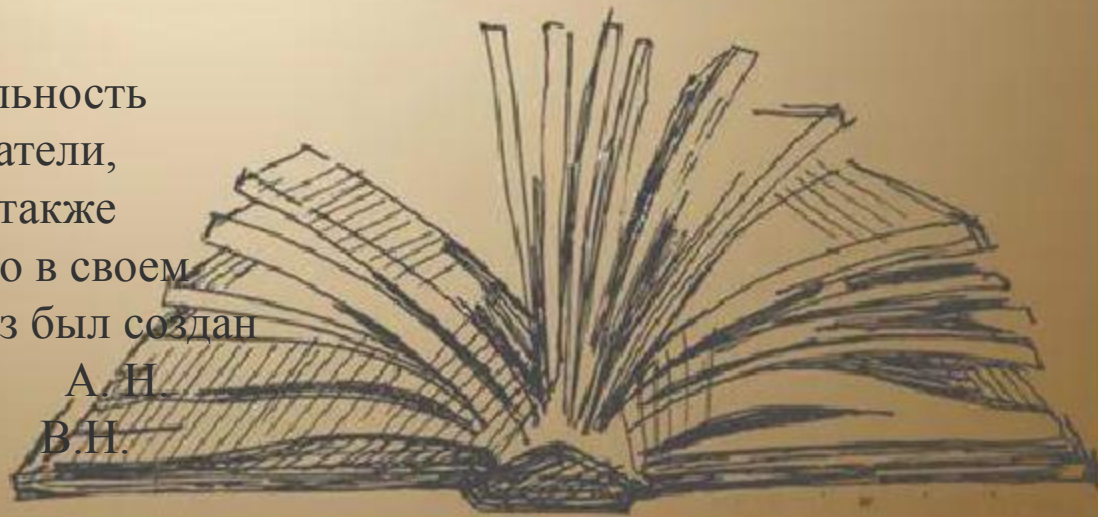

Петр I. Худ. В. Серов. 1907 г.

В своих произведениях авторы раскрывают разные черты Петра Алексеевича. С одной стороны, это простой человек, трудолюбивый, любящий веселье, всесторонне развитый, беспокоящийся о благе своей страны и народа, но, есть у него и другая сторона. Пётр и деспот, крутой самодержец, разрушающий все старое, все народное, все то, в чем он видит помеху своим преобразованиям. В своем нетерпении он не считался с тяжелыми последствиями тех или иных реформ.

Личность самого Петра I и его деятельность не смогли обойти стороной исследователи, художники, музыканты. Литераторы также обращаются к образу Петра Великого в своем творчестве. Наиболее ярко этот образ был создан в произведениях А. С. Пушкина, Толстого, Д. А. Гранина, Ганичева и других.

А. Н.
В. Н.

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

Личность Петра I и его деятельность отражены и в произведениях литераторов Мордовии. Предлагаем вашему вниманию некоторые из них.

Полежаев, Александр Иванович

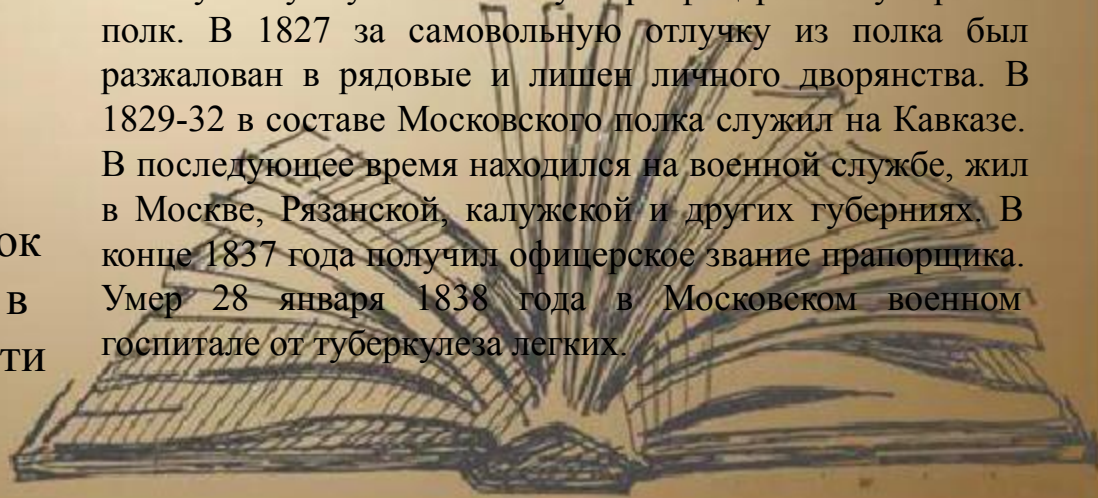
(1805—1838)

А.И. Полежаев. Рис. Е.Бибиковой, 1834 г.

Русский поэт и переводчик. Родился 11 сентября 1804 года в с. Рузаевка Инсарского уезда Пензенской губернии. Внебрачный сын помещика Л.Н. Струйского и крепостной крестьянки Аграфены, вышедшей после рождения мальчика, по настоянию Струйских, замуж за саранского мещанина И.И. Полежаева. Детские годы поэта прошли в г. Саранске и с. Покрышкино Саранского уезда – имении Струйского. С 1816 года обучался в одном из московских частных пансионов. В 1826 году окончил словесное отделение Московского университета. В том же году за поэму «Сашка» был отправлен Николаем I на военную службу и зачислен унтер-офицером в Бутырский полк. В 1827 за самовольную отлучку из полка был разжалован в рядовые и лишен личного дворянства. В 1829-32 в составе Московского полка служил на Кавказе. В последующее время находился на военной службе, жил в Москве, Рязанской, калужской и других губерниях. В конце 1837 года получил офицерское звание прапорщика. Умер 28 января 1838 года в Московском военном госпитале от туберкулеза легких.

В стихотворении А. Полежаева «Венок на гроб Пушкина», опубликованного в 1842 г., через четыре года после смерти автора, есть строки и о Петре I:

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

Венок на гроб Пушкина (отрывок)

О, плачь, Россия, долго плачь!
Давно ль тебя из недр пустыни полудикой
Возвел для бытия и славы Петр Великой,
Как деву робкую на трон!
Давно ли озарил лучами просвещения
С улыбкою отца, любви и ободренья
Твой полунощный небосклон.
Под знаменем наук, под знаменем свободы
Он новые создал великие народы;
Их в ризы новые облек;
И ярко засиял над царскими орлами,
Прикрытыми всегда победными громами,
Младой поэзии венок.
Услыша зов Петра, торжественный и громкий,
Возникли: старина, грядущие потомки,
И Кантемир и Феофан;
И, наконец, во дни величия и мира
Возникла и твоя божественная лира,
Наш Холмогорский великан!
И что за лира: жизнь! Ее златые струны
Вспоминали вдруг и битвы и Перуны
Стократ великого царя,

И кроткие твои дела, Елисавета,
И пели все они в услышание света
Под смелой дланью рыбака!
Открылась для ума неведомая сфера;
В младенческих душах зиждительная вера
Во все прекрасное зажглась;
И счастья заря роскошно и приветно
До скал и до степей Сибири многоцветной
От вод балтийских разлилась!
Посеяли тогда изящные искусства
В груди богатырей возвышенные чувства;
Окреп полмира властелин,
И обрекли его, в воинственной державе,
Бессмертию веков, незакатимой славе
Петров, Державин, Карамзин!

1834 г.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Карасёв Алексей Иванович
(12.03.1910-21.07.1980)

Мокшанский прозаик, поэт; член Союза писателей СССР с 1939 года. Участник Великой Отечественной войны.

Родился в крестьянской семье села Карсаевка Чембарского уезда Пензенской губернии. В 1930 окончил Саранский педагогический техникум; работал учителем, трудился на журналистском поприще.

Писать стихи начал рано, в 10-12 лет. До войны вышло две книжки стихов. Первые стихи опубликовал в 1930 году в периодических изданиях Саранска, Самары, Москвы. Во время службы в Красной Армии на Дальнем Востоке печатал свои произведения в газете «Тихоокеанский комсомолец».

Наряду со стихотворными произведениями публиковал и художественную прозу.

Первый сборник рассказов на мокшанском языке — «Чуднай сад» («Чудный сад») вышел в 1939 г. В 1940 году отдельной книгой выпущены поэтические произведения — «Стихи и поэмы». Не переставал писать и в годы Великой Отечественной войны. Удачен рассказ «Иван Казаринов» (1946). В 1947 году была издана драматическая повесть «Минь улеме солдатт» («Мы были солдатами»).

Послевоенное творчество посвящено современной тематике. Выпустил сборник стихов «В краю дубрав» (1956), повесть «Березовское лето» (1961), сборник рассказов «Штешина сирень» (1961). Публиковался в журнале «Мокша», альманахе «Литературная Мордовия».

С 1957 г. жил в Пензе, где публиковались его новые книги.

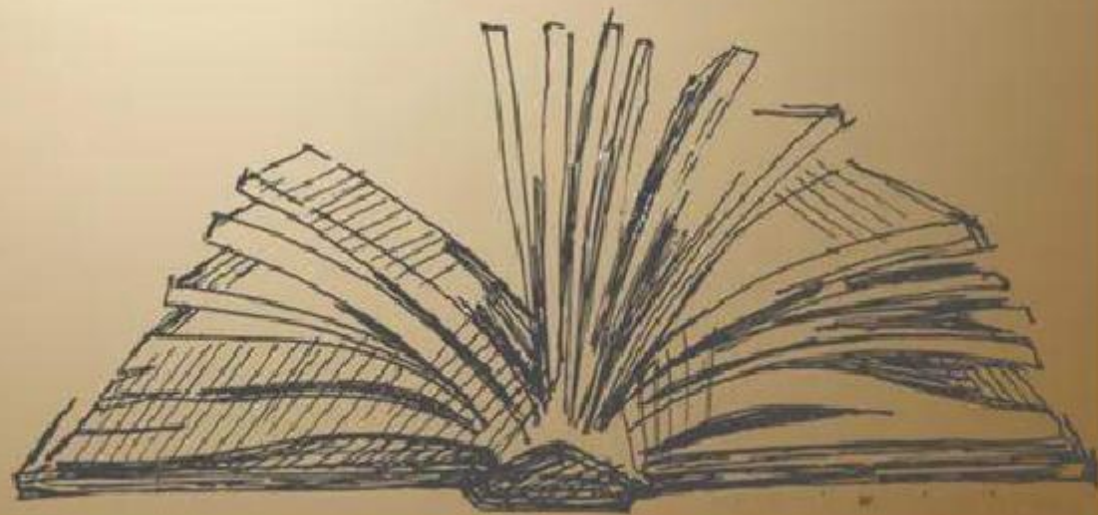

ПЕТР I

По балкам причала
Достраивать флот
С худыми плечами
Шагает Петр.
В английском камзоле,
С купчихами – мил,
А руки в мозолях
От плотницких пил.
Строгает он, пилит,
Рубит с плеча,
Дивятся купцы
На царя-силача
А тот обшлагом
Утирает пот,
Портянки выглядывают
Из ботфорт.

Дивятся голландцы,
От чуда немеют:
- У русских цари-то
Работать умеют.
Вокруг караваны
Заморских судов,
Но руки в карманы
Царь втиснул, суров.

Труд долго готовился...
Не чудом, не вдруг
В болотах построился
Санкт-Петербург.
Лишь начато дело.
И в даль сквозь ветра
Россия глядела
Глазами Петра!

к 350-летию со дня рождения Петра I

Гадаев Виктор Александрович
(10.01.1940-19.04.2019)

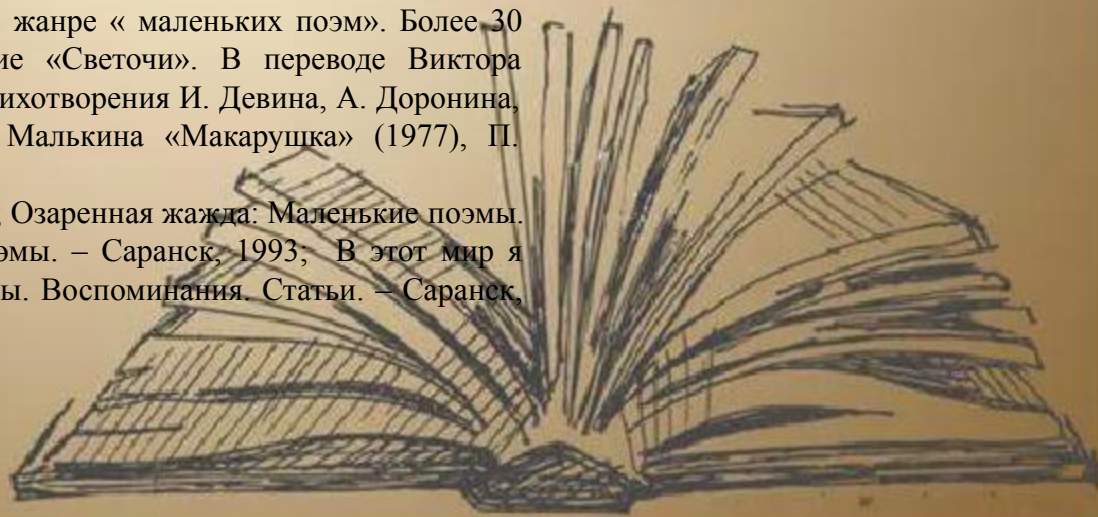
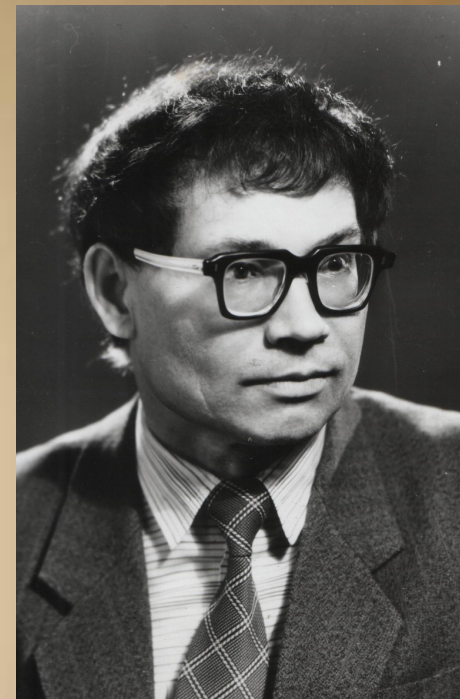
Поэт, переводчик. Народный поэт Республики Мордовия (2009), Заслуженный поэт Республики Мордовия (1994), Лауреат Государственной премии МАССР (1992), член Союза писателей России (1976).

Родился в семье ремесленника с. Новотроицкое Старошайговского района Мордовии. Окончил Саранскую художественную школу, курсы по специальности «колорист-пробист офсетной печати» Казанского типографического комбината им. Камиля Якуба (1962), Литературный институт им. М. Горького (1969).

Работал грузчиком, колористом в республиканской типографии «Красный Октябрь» (Саранск), заведующим отделом и ответственным секретарем Старошайговской и Кочуровской районных газет, редактором Госкомитета МАССР по телевидению и радиовещанию, редактором Мордовского книжного издательства. С 1982 – литературный консультант правления Союза писателей Мордовии.

Автор 10 поэтических сборников: «Вечная мельница» (1969), «Свет отчего порога» (1972), «Праздники сердца» (1975), «Бочка меда» (1977), «Дума и судьба» (1980), «Любви высокая звезда» (1983) и другие лирико-философских поэм «Магнит-земля» и «Аушвиц»; стихотворного цикла «Азия». С 1967 – работает в жанре «маленьких поэм». Более 30 произведений этого цикла составили трехкнижие «Светочи». В переводе Виктора Александровича на русский язык опубликованы стихотворения И. Девина, А. Доронина, С. Кинякина, И. Кудашкина, изданы книги А. Малькина «Макарушка» (1977), П. Клецунова «Шалей» (1974) и другие.

Сочинения: Праздники земли: Стихи. – М., 1980; Озаренная жажда: Маленькие поэмы. – Саранск, 1986; Жемчуг исканий: Маленькие поэмы. – Саранск, 1993; В этот мир я пришел: Миниатюры. Эссе. Литературные портреты. Воспоминания. Статьи. – Саранск, 2000.

к 350-летию со дня рождения Петра I

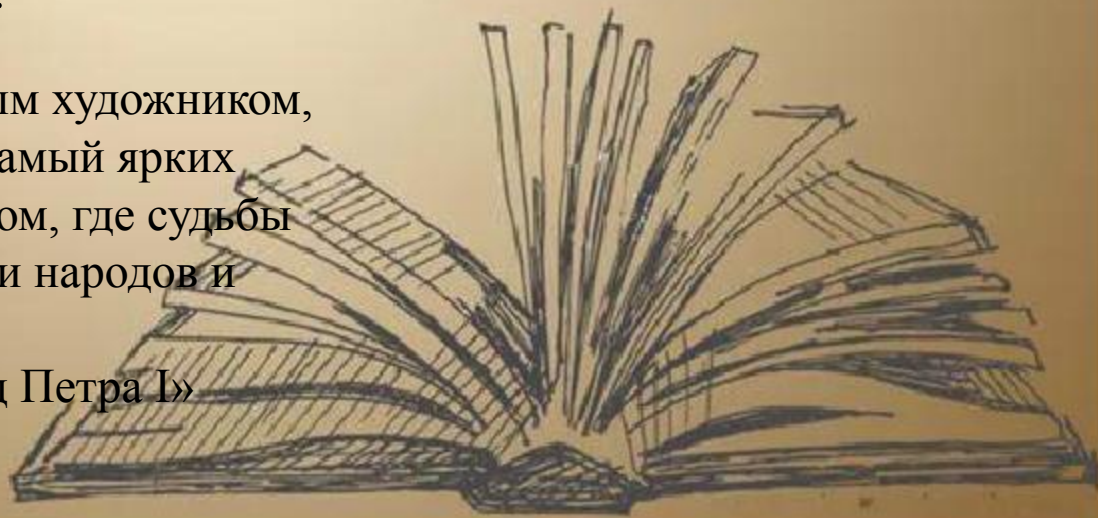
Виктор Александрович в своем коротком стихотворении показал Петра руководителем, ценящего честных, порядочных и профессионалов своего дела.

Царь Петр ценил тех, кто умен,
Не по фамилии старинной.
И даже Меньшикова он
За казнокрадство бил дубиной.

Хапуг и бездарей терпеть
Не мог он, Русь боготворя
Им никогда не потускнеть —
Урокам русского царя.

Мечтавший стать профессиональным художником, В. Гадаев написал поэмы о жизни самых ярких художников разных времен и народов, где судьбы художников переплетены с судьбами народов и государств.

Одну из маленьких поэм «Любимец Петра I» он посвятил Ивану Никитину.

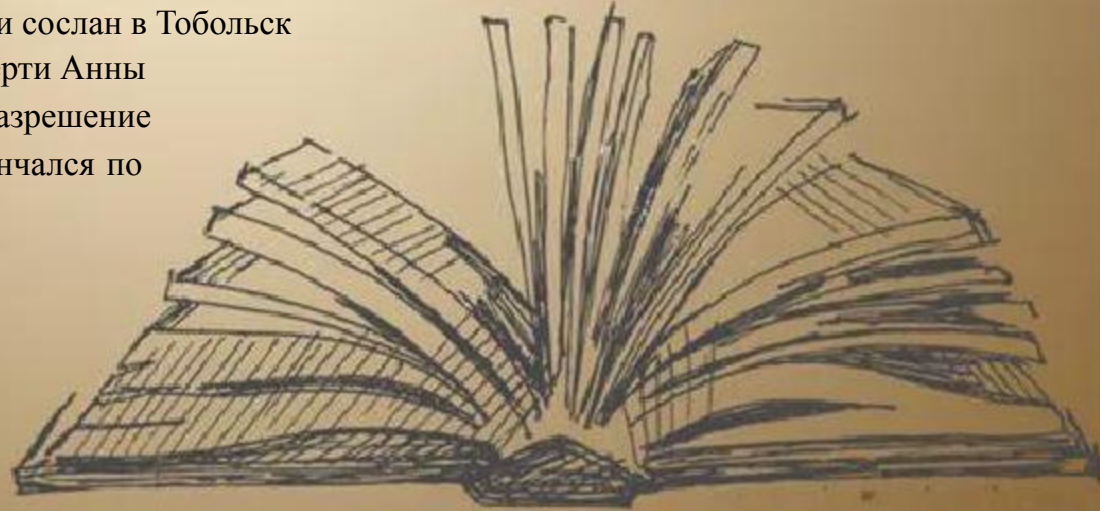

к 350-летию со дня рождения Петра I

Никитин Иван Никитич

(ок. 1680 - не ранее 1742)

.Русский живописец-портретист, основатель русской портретной школы XVIII века. Родился в 1680-е годы в городе Москва, сын священника Никиты Никитина, служившего в Измайлове, брат священника Иродиона Никитина, позднее протопопа Архангельского собора в Кремле, и живописца Романа Никитина. Учился в Москве, по всей видимости, при Оружейной Палате, возможно, под руководством голландца Шхонебека в гравировальной мастерской. В 1711 году Иван Никитин был переведен в Петербург, учился у Иоганна Таннауэра, немецкого художника, который одним из первых принял приглашение Петра Первого переехать в Петербург, учить перспективной живописи русских художников. Быстро завоевывает авторитет при дворе. В 1716-1720 на государственную пенсию, вместе со своим братом Романом послан (в числе двадцати человек) учиться в Италии, в Венеции и Флоренции. Он обучался у таких мастеров, как Томмазо Реди и И. Г. Дангауера. После возвращения становится придворным художником. Так, Никитину принадлежит портрет умирающего Петра Первого. В 1732 году И. Н. Никитин вместе с братом Романом, также художником, был арестован по делу о распространении пасквилей на архиепископа Феофана Прокоповича. После пяти лет предварительного заключения в Петропавловской крепости был бит плетьюми и сослан в Тобольск пожизненно. В 1741 году, после смерти Анны Иоанновны, Иван Никитич Никитин получил разрешение вернуться в Москву. Выехал в 1742 году и скончался по дороге.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Возвращение из Италии

Вот и вернулся он, Никитин,
Иван Никитин в Петербург.
Все позади: дворцы, каналы
Венеции и солнца круг
Белесый в раскаленной сини.
Холмы, дороги и мосты,
И воздух розовый Тосканы,
И кипарисы, и цветы.
И академия художеств
Во флорентийской пестроте.
И ученичества уроки,
И поклоненья красоте,
Фантазии, реальным краскам
Картин великих мастеров.
Туда его сам Петр Великий
Послан учиться, постигать
Искусство живописи. В этом
Ему любви не занимать.

Еще в Москве, в мальчишьи годы,
Он, сын священника, любил
Глядеть на лица, на иконы
И рисовать. Романтик был.
И при Палате оружейной,
Где перед всем благоговел,
Учился в типографской школе.
И хоть порою был несмел,
Он не любил канон Парсуны,
Все доверял своим глазам.
Об одаренном самородке
Узнал царь Петр. Подумать, сам
Могучий Петр! И иностранцу
Таннауэру приказал
Учить смышленного Ивана,
Следил за ним и помогал.

«Любимец Петра I»

Потом Италия. Четыре
Где долгих года он провел.
И вот уже тридцатилетним
Вернулся. Бодр. Здоров, как вол.
Теперь уже известный мастер,
Художник русский, портретист.
Купается он в волнах счастья,
Как солнышко в Неве. Лучист
Его бурлящий дух. Средь многих
Портретов и портрет Петра.
Царю понравился он. В буйном
Порыве чувства, как гора,
Огромный, большедвухметровый,
Обнял его, облобызал:
«Отныне ты художник первый
У русских», - он любя сказал.
Все это в памяти.

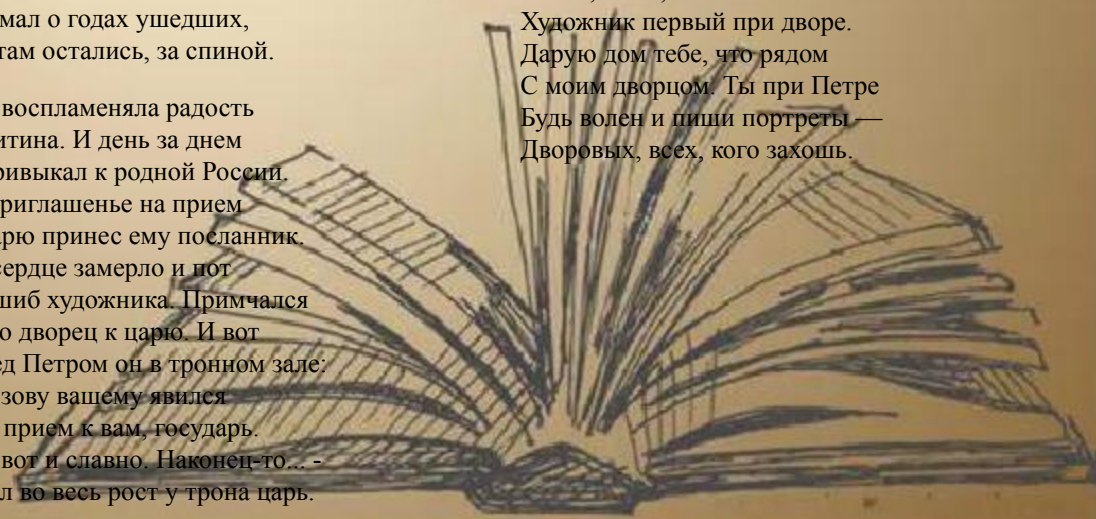
Молчащий
Стоял Никитин над Невой
И думал о годах ушедших,
Что там остались, за спиной.

Еще воспламеняла радость
Никитина. И день за днем
Он привыкал к родной России.
Но приглашение на прием
Р Царю принес ему посланник.
Аж сердце замерло и пот
Прошиб художника. Примчался
Он во дворец к царю. И вот
Перед Петром он в тронном зале:
- По зову вашему явился
Я на прием к вам, государь.
- Ну вот и славно. Наконец-то... -
Встал во весь рост у трона царь.

Я зрю тебя, как возмужал ты,
Никитин. Вижу, что не зря
Ты был в Италии. Наслышан
Я о твоих успехах.

Бодро
Художник смотрит на царя.
Плечистый, русский, низкорослый,
С глазами умными:
- Готов
Упасть вам в ноги за участие
В моей судьбе.
- Не надо слов.
Талант всегда я уважаю, —
Сел государь опять на трон.
Глаза — в глаза. Друг против друга
Царь и художник.

- Восхищен
Тобой, Иван, я. Ты отныне
Художник первый при дворе.
Дарую дом тебе, что рядом
С моим дворцом. Ты при Петре
Будь волен и пиши портреты —
Дворовых, всех, кого захошь.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Премного благодарен, - низко -
От счастья по телу дрожь -
Петру художник поклонился,
Из зала вышел не дыша.

И жизнь пошла — не надо лучше,
На небе на седьмом душа.
В подаренном просторном доме,
В своей просторной мастерской
Иван горит перед мольбертом,
Талантливый и молодой.
От волшебства, от вдохновенья
Послушна кисть в его руке.
Ему позировали канцлер
Головкин в черном сюртуке,
Суров и сед «Напольный гетман»,
Сподвижник преданный Петра.
Пронзала зноем глаз Наталья,
Царя любимая сестра.
Все мастерство, все вдохновенье
Вложил неистовый Иван
В портрет Петра в овале, в круге.
На нем изображен титан.
Лицо светло на темном фоне.
Высокий лоб, могучий ум.
О жизни, судьбах государства
Российского царь полон дум.
Сей дух и это назначение
Всегда в себе он ощущал,
Неповторимый русский гений,
Когда шедевры создавал.

И потому, как гром внезапный,
Его известье потрясло:
— Царь умер?
Был Иван Никитин
В отчаянье.
Так тяжело
Перенести ему утрату.

Печальный, принял он заказ
Писать портрет царя на смертном
Одре. Озноб в душе. Из глаз
Слезинки горько проступали.
Но он писал. Создал портрет
Петра, могучего и в смерти,
Потомкам что оставил свет.

Когда же шел он возле гроба
С толпою на похоронах,
То плакал горькими слезами,
Был жуткий страх в его глазах.

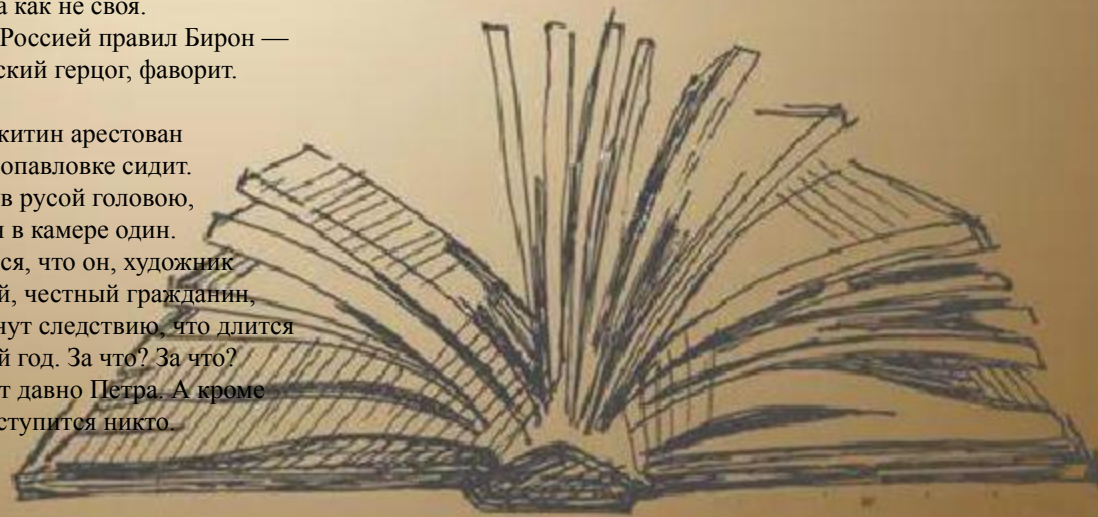
Через 12 лет после Петра

Порастрясло телегу жизни
На кочках, рывтинах, камнях.
Трон во дворце — раздора символ —
Не пустовал. На нем в шелках
Цвела цветком Екатерина.
Ее сменила, как змея,
Императрица Анна. Русским
Она была как не своя.
При ней Россией правил Бирон —
Курляндский герцог, фаворит.

Иван Никитин арестован
И в Петропавловке сидит.
Поникнув русой головою,
Сидит он в камере один.
Не верится, что он, художник
И добрый, честный гражданин,
Подвергнут следствию, что длится
Уж пятый год. За что? За что?
Жаль, нет давно Петра. А кроме
Уж не заступится никто.

Сидит он в камере, Никитин,
Зажав ладонями виски,
И вспоминает все бывшее,
Дни, словно радости цветки.
Как он писал императрицу
Екатерину, дочерей
Петра, сестру его и внука,
И Меншикова, и князей
Голицыных и Долгоруких.
А сколько красочных создал
Иконостасов в разных храмах.
А как горел он, как сиял
Перед картинами о битвах
Полтавской, Куликовской. Он
И «В родословном древе русских
Царей» Россией озарен.

Но это стало как крамола,
Все как по заднице серпом,
Когда повсюду и во всем
Хозяиничали иностранцы.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Да, было много недовольных,
О нехристях роптал народ.
Но к заговору никакому
Он не причастен. Бирон врет.

Никитин встал. Он взбудоражен.
Он ходит, ходит, кулаки
Сжимая. Боже! Он преступник.
И тяжелы его шаги.
Но скрипнуло железо двери,
И стражник в камеру вошел.
— Никитин, выходи!

А площадь
Молчала.
На дубовый стол
Массивный, длинный, на котором,
Как молнии, вселяя страх,
Две плети хлесткие лежали,
В недоумении народ
Глядел с печалинкой в глазах.
Два палача стояли рядом
В кафтанах, в шапках набекрень.
По небу низко плыли тучи,
Был пасмурный ноябрьский день.
Два царских стражника при ружьях
К столу неспешно подвели
Никитина.
Он глянул молча
На скопище народа и
На палачей, на стол, на плети,
На генерала, что знаком,
Из тайной канцелярии — и вздрогнул
В душе обдатый холодком.
И головой поник, обросший,
Худой и ростом ниже стал.
Вдруг перед ним возник степенно
И очень важно генерал,

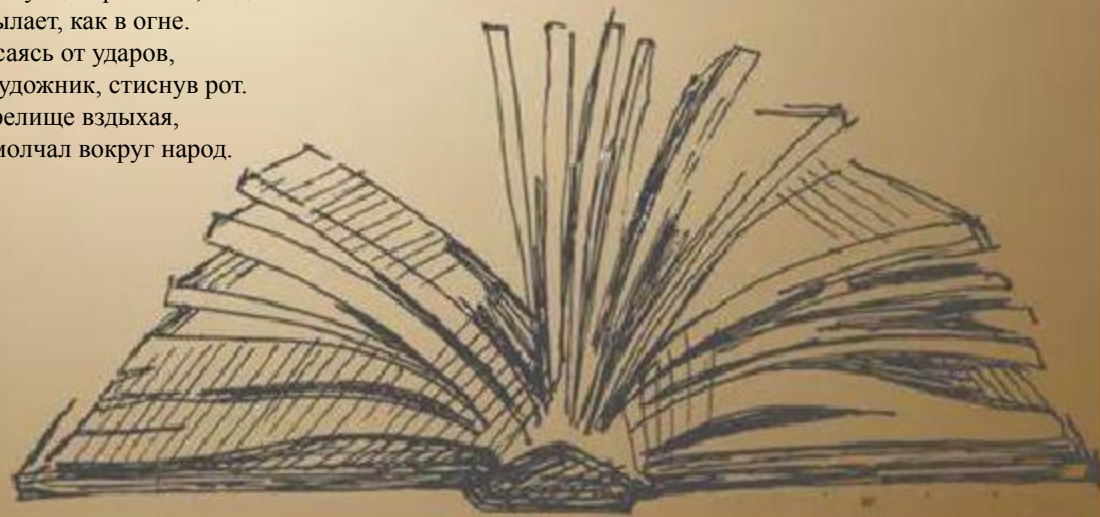
Прокашлявшись, лицом к народу
Невозмутимо хмуро встал.
Достал бумагу, прочитал:
- Указ императрицы Анны...
За вызов, неприятье к власти
Никитина Ивана бить
Плетьми. Послать в Сибирь навечно
За караулом, приструнить
Крамолу в назиданье многим...

И взяли плети палачи.
- Не виноват я, люди! — корчась,
Художник лег на стол. Кричи
Хоть не кричи. Ожгли удары
Крученых смоляных плетей.
Перекосились злобно лица,
Взбесилась кровь у палачей:
- На! Будешь чтить императрицу.
- И чтил законы чтоб, злодей!
Сверкали молниями плети.
Рубаха - в клочья.
На спине Рубцы кровавые, подтеки.
Спина пылает, как в огне.
И, сотрясаясь от ударов,
Терпел художник, стиснув рот.
На это зрелище вздыхая,
Глядел, молчал вокруг народ.

- Довольно! - палачам, осклабясь,
Сказал спокойно генерал.
А ведь его портрет когда-то
Никитин в камере писал.
Почти без памяти он долго
Лежал недвижимый на столе.
В глазах все зримое померкло,
Все потонуло в мутной мгле.

Когда ж очухался немного,
Когда поправился чуть-чуть,
Его уже везли в повозке,
В Сибирь лежал тоскливый путь.
В Сибирь до самого Тобольска,
Где жизнь не рай, не дом родной.
Он ехал, трясясь на ухабах,
Сидел с поникшей головой.

2009 г.

к 350-летию со дня рождения Петра I

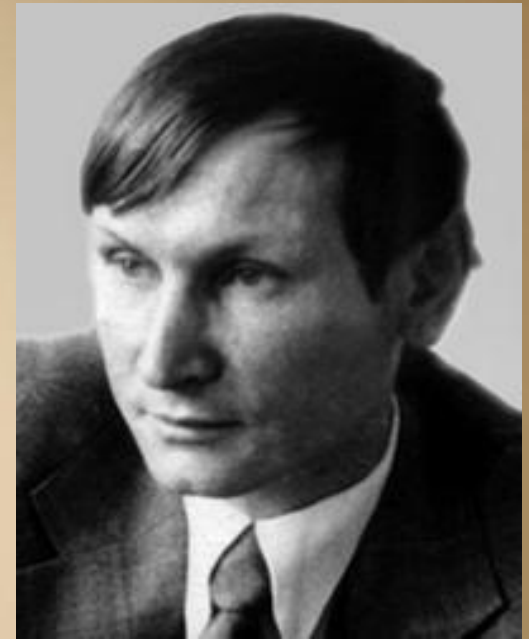
Терентьев Александр Николаевич
(31.03.1947-13.03.1996)

Поэт, переводчик, член союза писателей России.

Родился в городе Аткарске Саратовской области в семье рабочих. Окончил филологический факультет Саратовского госуниверситета в 1969 году, в 1973 г. - Литературный институт им. А.М. Горького. Работал печатником, библиотекарем, учителем. С 1974 года вместе со своей женой В.М. Юдиной жил в Мордовии и был руководителем литературной студии «Пегас» при ДК «Строитель» (г. Саранск).

В 1988 году был принят в Союз писателей Мордовии. А. Терентьев - Лауреат премии комсомола и МВД Мордовии, журнала «Простор» (Казахстан). Был бессменным членом редколлегии молодежного литературно-художественного и публицистического журнала «Странник». Имеет свыше 200 публикаций в журналах и альманахах, является соавтором 18 коллективных сборников. Переводил на русский язык стихи мордовских, марийских, кабардинских поэтов. Миниатюры и юморески А. Терентьева публиковались в журналах «Крокодил», «Чаян», «Почемыш», «Шмель», «Дон», «Волга», «Огонек», «Уральский следопыт», «Смех и грех» и в других.

Есть в литературном творчестве А. Терентьева и произведение посвященное Петру Великому.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Баллада о Полтаве

Нас тоже, случалось, бивали: от шведов под Нарвой бежали, враг думал: мы зайцами - юрк. Мы ж, россы, и душами рослые, взяв Нарву, на Заячьем острове построили Санкт-Петербург.

Город мал, но прочно встал.

Здесь Невы расплавленная сталь плещется упругими волнами. Верит царь, что Русь в морскую даль выйдет со своими кораблями.

От тропиков и до гренландских льдов по глобусу летает взгляд Петров. Не устает царь повторять всегда:

- Вода нужна, стране нужна вода! Есть армия, но однорукий тот, кто не построил свой могучий флот. Мы обоснуем, лишь бы выйти в море, для нужд торговли множество факторий. Пока ж к морям путей свободных нет: в Крыму - орда, Прибалтику взял швед. Не открывают к морю дверь добром, так надо проломить ее ядром!

Чтоб кораблям плыть по морской дороге, царь ввел в стране великие налоги.

Каждый двор вносит денежный сбор: на обжиг известки, на пиво для войска, и разве не дашь для полков на фураж? А мелких поборов-то боже ты мой! Житный, свальный, гостинный и мостовой. Туго-претуго затянуты вожжи, а плакать нельзя: для народов Поволжья есть пошлины и на глаза: коль очи черны или серы, оплата различной меры.

А тем, кто супротивничать учнут, тем кнут!

Тяжелы времена, на плечах бремена. В каждой хатке недохватки. Но пробьем кораблям вольный путь в Амстердам, наторгуем немало добра. А то как торговала-то Русь до Петра?

На Балканы купцы собрались, повезли меха горностаев и лис. Пополз за обозом тележный обоз, в них кожа, моржовая кость и холст. Продадут в Византии на сотни рублей белок да соболей, а в Москву повезут, нападений боясь, мыло и ладан, парчу и бязь. Коль пошли купцы за рубежи, жди: в степях возможны грабежи. Возрадуется крымский хан:

- Я взял у русских караван!

Досадно, коль товары отберут, но хуже, если до смерти побьют. Вот и дрожал любой купец, как лист:

- Эх, если б к морю путь был прям и чист!

Трудна была стезя на юг, и к северу - не меньше мук. Перед балтийскою волной встал Карл XI стеной. Раз держит море в заперти, пришлось в бой на него идти. Пошла по крепостным твердыням из пушек беглая пальба. Взлетали в воздух с красным дымом пороховые погреба. Без подкрепления из Швеции, утратив на победу шанс, сдались прибрежные фортеции: и Нотебург и Ниеншанц. Удача стоила труда! Война - огромная потреба свинца и пороха, и хлеба, об этом помнит царь всегда.

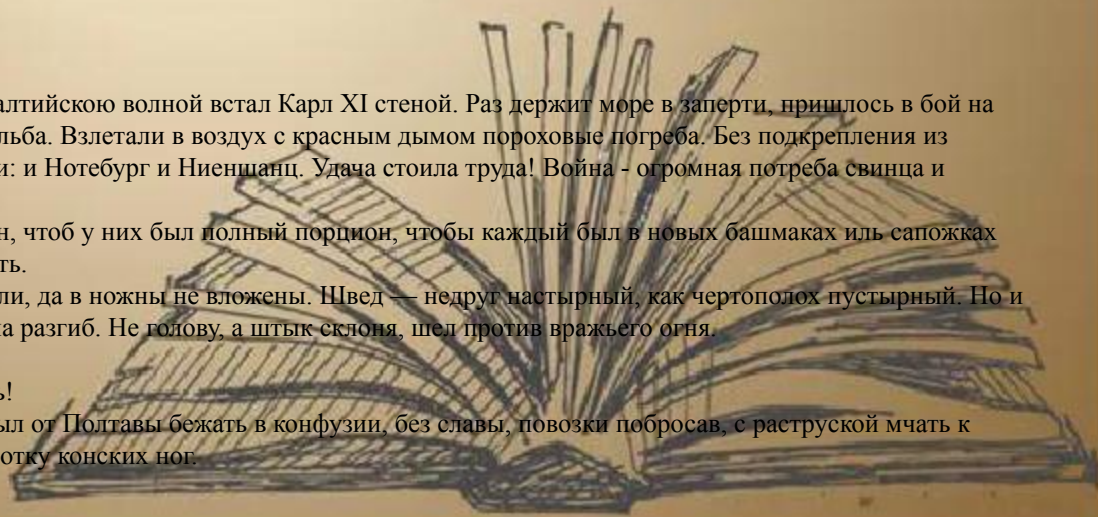
Петр, хоть и груб, но рекрутам люб. Не забудет постараться он, чтоб у них был полный порцион, чтобы каждый был в новых башмаках иль сапожках козловых, ведь хорош в дорогом лапоту, пока дождь не начал капать.

А дороги сражений еще не исхожены. Хоть в зазубринах сабли, да в ножны не вложены. Швед — недруг настырный, как чертополох пустынный. Но и русский солдат не поник, не погиб: придавят, согнут - он силен на разгиб. Не голову, а штык склоня, шел против вражьего огня.

Карл перед образом Христовым поклялся, опершись на меч:

- Пора Петра согнать с престола и Русь на княжества рассечь!

Хвалился бычок «Сила есть волка съест!» Но принужден был от Полтавы бежать в конфузии, без славы, повозки побросав, с раструской мчать к туркам от погони русской в пустую степь, где полынок по щиколотку конских ног.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Теперь на Балтике гремит война, десяткам кораблей не всплыть со дна.

Казалось, чем царю не жить: мог на золотую нитку рыбку удить, мог с сотрапезниками весь день пить виноградное вино рейнвейн в темных бутылках, настоенное на железных опилках. А Петр, как рядовой матрос, тянет пеньковый трос, на шлюпках гребет, откидываясь и чуть припадая вперед. Сам пушке в нутро вбивает ядро! В детстве раньше, чем к погремушке потянулся царевич к игрушечной пушке. Теперь врага за землю отчую из настоящих пушек потчует.

А ядра из своего уральского чугуна. От них под Полтавой швед и дал тягуна. Нешадно били гренадерам в груди стволы семнадцати двух орудий. Вспухал над пушками дым сажевый, знай только бомбы в жерла всаживай!

Как унылы были лики генеральской шведской клики! Тужить тому по лету, у кого тулупа нету: у нас был и порох и ядер ворох, а мелких картечин и сосчитать трудно, их взвешивали попудно. А у них четыре пушки - пороха побирушки.

Луна выкатывалась издалека, едва угадывалась сквозь облака. Ушмыгнула в норку полевка-мышка, хвост-коротышка. И птенчику Скворчиха шепнула: «Сиди тихо!»

Слышался в поле топот сапог, говор чужой доносил ветерок. Это строилось шведское войско для битвы, капелланы читали молитвы.

Раненый Карл через силу, но влез на носилки-портшез. Ободряет войска, хоть от боли кривится. Недавно задумал попетушиться, подскакал к казацкому огню - пулю получил в ступню.

- В бой!- в сумерках рожки запели, мундиры шведов засинели. Мерцали лунной медью каски, пошли полки Упландский и Кальмарский, несли ружья кремневые, двенадцатифунтовые. Хотя в подсумках пороха поскребки, но все ж пошли, суровы и не робки. Шагали молодцы, как на подбор, не строй, а молодой сосновый бор. По травам шли без дороги, уверен был каждый взвод, что справа сосед не дрогнет и слева не подведет.

Но им навстречь картечь блеснула и души страхом оплеснула: шеренгу сбило наповал. И над гвардейскими полками вдруг ужас ведьмой пробежал с седеющими волосами.

Наперекор течению и лодка идет не ходко, а тут за редутами редут волнорезами встают. Из каждого ретраншемента вспыхивали дымки, как будто бы из-под цемента выбивали мешки. Обтекали их шведы, разбившись на два рукава. Где ядро пролетало, рыжела трава. И - метнулись шведы в лес для спасения телес, головы вжимали в страхе, как разбойники на плахе.

Полегло в тот день немало люду: пушки грохотали отовсюду.

Много за русскую землю Петр Первый поту утер. Приказал обследовать недра Уральских гор, обойти губернии и дальние и близкие, руды сыскивать. За недолгие годы поднялись на Руси заводы: бумажные, игольные, литейные и стекольные. Сверхался на них труд огромный, подъяремный. Работали угрюмо, одна томила дума: «Поскорей бы наступила ночь, до топчана ноги I доволочь!» А в воскресенье шел бедняк из церкви да в царев кабак.

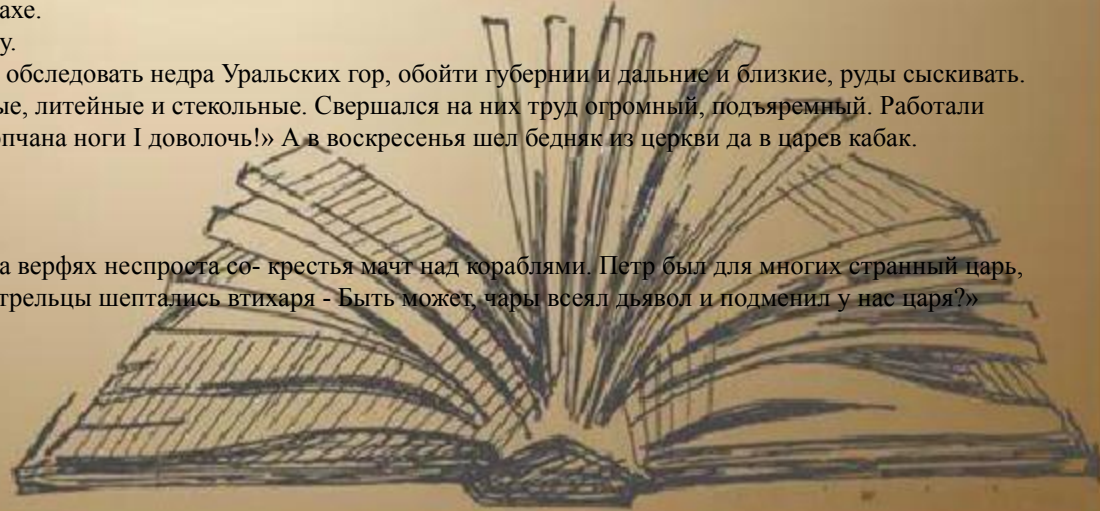
- Мил-человек, винца налей-ка!

- А деньги есть?

- Нет. Вот шубейка.

И пропивались до креста! Оплаченные их рублями, росли на верфях неспроста со- крестьян мачт над кораблями. Петр был для многих странный царь, он и гвоздарь и чеботарь. «Кто ж плотничать царя заставил?»- стрельцы шептались втихаря - Быть может, чары всеял дьявол и подменил у нас царя?» Бояре, бывшие в опале, их к возмущенью подстрекали:

- Царь весь наш дом заест поедом!

к 350-летию со дня рождения Петра I

И вспыхивал повстанческий пожар: то Гурьев бунтовал, то Красный Яр.

Но все же понимал народ: беда, коль швед Москву сожжет, все надо будет возвращать, на церквах главы позлащать, ведь алчут шведы достичь победы, чтоб россияне им служили, на них, варягов, шили и мыли. От такой судьбы бесчестной сохрани, творец небесный!

Вот и вяжет морские узлы русский мужик: шкотовый и брамшкотовый, и узел «простой штык». Скрутит рифовый узел и сам удивляется: потянешь за кончик, легко узелок распускается. Твердят назубок и Андрюха и Сенька:

- Бом-брам-стенга!

А в шторм на мачты лезут ловко, в накатах пенистой волны раскачиваясь на веревках, как на качелях сатаны. Но шторм, звал Сенька и Андрюшка, не самый страх - всего страшней, когда с цепей сорвется пушка, пойдет гулять, давя людей. Утихомирь ее попробуй, пока к Нептуну не нырнет... Глазами, стало быть, не хлопай, готовя парусник в поход. На корабле всем дела хватит: здесь не ржавеют топоры, стеколыдик и цирюльник в штате, и кузнецы, и маляры.

А с ними, матросами и мастеровыми, сам государь работал весело, знал толк не только в винных чарах, но и в зубилах и крейцмейселях, станках и кернерах слесарных.

Дел у него неупорот, забот все больше что ни год. Народ в невежестве погряз, и что ни час, Петр шлет указ, чтоб молодых лесов не истребляли, орехов с зеленцой не собирали, сетями не ловили рыбной молодежи...

Сам успевал и в кузне быть при молоте. Он все ремесла жаждал сам постичь и возвращался лишь во тьме полночной в свой домик, что раскрашен «под кирпич», с наличниками в росписи цветочной. Здесь он частенько засыпал не в спальне - над чертежом с раскрытой готовальней.

Под утро самый крепкий сон, но будоражит гарнизон труба, привскнутая ввысь:

- Встань, солдат, встань, пробудись!

Начинается в батальонах роение, идет

построение. А где ж государь? О нем вспоминали, а он - вон: готовит на стапелях к спуску фрегат, большой, ледокольный, с названием «Думкрат».

Уставлена мощными пушками палуба, будет морскому противнику пагуба. Корабельные ребра - опружья скрипят от нагруженного оружия. Сам Петр вытягивал якорь, с натуги кричал.

- Виват, виват! - толпа с причала вслед судну новому кричала.

А Петр у купчины уж бороду рвет:

- Почто не поставил для армии мед?

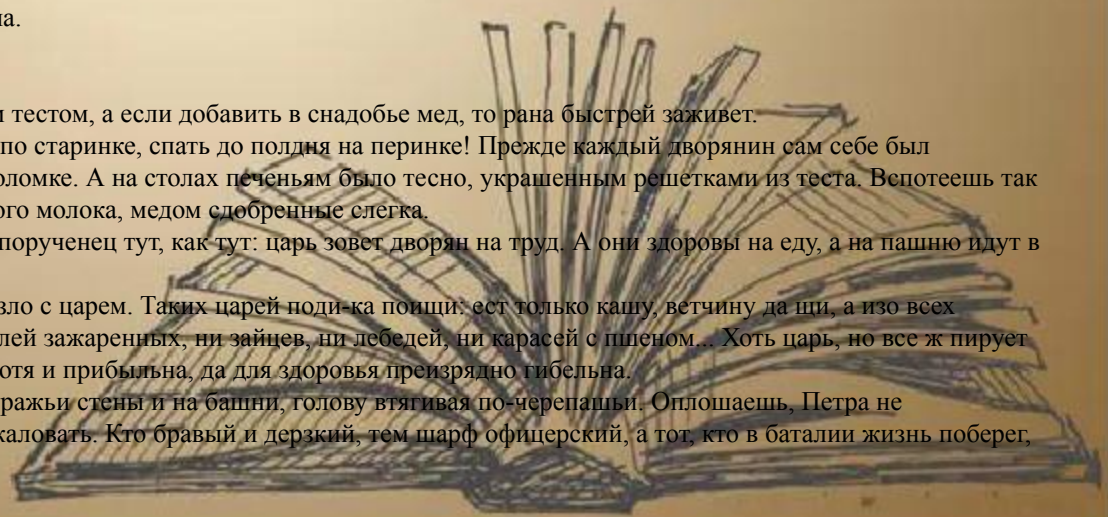
Раны замазывали, как известно, луком печеным с квашеным тестом, а если добавить в снадобье мед, то рана быстрее заживет.

Царские порядки и для дворян не сладки. Жить да жить бы по старинке, спать до полдня на перинке! Прежде каждый дворянин сам себе был господин. Ел яблочки, моченые в дубовом бочонке на ржаной сололке. А на столах печеньям было тесно, украшенным решетками из теста. Вспотеешь так служки подадут фруктовый лед в кружке иль стружки мороженого молока, медом сдобренные слегка.

Нынче ж ляжешь на бочок, чуть заснешь, так в бок толчок, порученец тут, как тут: царь зовет дворян на труд. А они здоровы на еду, а на пашию идут в поводу.

Иной дворянчик сетует тайком: «Пожалуй, нам не повезло с царем. Таких царей поди-ка поищи: ест только кашу, ветчину да иди, а изо всех заморских фруктов он предпочитает разве что лимон. Ни журавлей зажаренных, ни зайцев, ни лебедей, ни карасей с пшеном... Хоть царь, но все ж пирует по-беднячки он по сравнению со своим отцом. Работа на него, хотя и прибыльна, да для здоровья презрительно губельна.

Хоть сетует, но первым лезет в кирасе медной и железе на вражьи стены и на башни, голову вытягивая по-черепашьи. Оплошаешь, Петра не разжалобить, генерал-фельдцейхмейстера может в солдаты разжаловать. Кто бравый и дерзкий, тем шарф офицерский, а тот, кто в баталии жизнь поберег, тому ленты дорог из острога в острог.

к 350-летию со дня рождения Петра I

И смуглеют в боях у дворянчиков лица: въелась копоть и порошица.

Породнились под пушечный гром с вороненым клинком, с вороным коньком!

А победа, триумф, значит, пир на весь мир!

В такие радостные ночи среди народной толкотни горели смоляные бочки, ракеты сыпали огни! Шумел подобием прибоя новорожденный карнавал, и звездный мир над головою во всем величии сверкал. Весь город в фейерверках тонет! И лишь полтавский инвалид уткнется вдруг лицом в ладони и разрыдается навзрыд. Что вспомнит он? Гром канонады, когда в атаку шел с полком, как ранен был... Смерть встала рядом в мундире шведа со штыком. Иль в праздничном огне смолистом увидит ветеран-солдат, как русские кавалеристы в кафтанах красно-пламенных навстречу выстрелам летят. Пронзают шпагами стальными врагов, поверженных во прах, и раненые перед ними приподнимались на локтях. Взывались русские знамена, и меркли перед их орлом три золоченные короны на шведском стяге голубом.

До Полтавы, до солнечной славы Петр юный на царстве стоял, как на почве плавунной. А теперь перед ним и немецкие купцы-визитеры расшаркиваются, как полотеры.

Теперь он стал стареть, глаза, как впадины, вся молодость хворобами украдена, минувшее припоминает он, как мимолетный лучезарный сон. Но он доволен: русский флот окреп! Земное счастье в том он видит, чтобы в конце пути, подобно хлебобобу, на выращенный оглянуться хлеб. Он бережлив, а не растратчик - мот, на жалованье мастера живет. На случай, если пропадет в пучине, в бою со смертью встретится своей, он завещал жене Екатерине все, что скопил: три тысячи рублей. Он не дает пощады казнокрадам, казнит, смещает, а они - вновь рядом. Из одного служебного угла перегоняет их в другой метла. Да, в счастье ложка дегтя пролилась! Все норовят красть из казны деньжишки, и даже Меньшиков, светлейший князь, обстрипывает темные делишки. А тут еще и сын, как на беду, Петру желает пасть на бранном поле: «Друзей отца я всех переведу и новых изберу по нашей воле!»

И на пирах не отдыхает царь, все реже веселят шутов забавы. За чашею, оправленной в янтарь, он думает о будущем державы.

Случился однажды, к добру ль, не к добру, ученый германец на царском пиру. Поморщился, выпив серебряный кубок вина:

- У вас, московиты, обширна страна но вот серебром, извините, бедна. А у нас, у немцев, и куры белокуры.

И надул губки.

- Бедна? - Петр смахнул со стола и тарелки и кубки, скатерть сорвал, бросил в печь. Подождал и продолжил речь:

- Выньте скатерть оттуда? Вынули? Не сгорела?

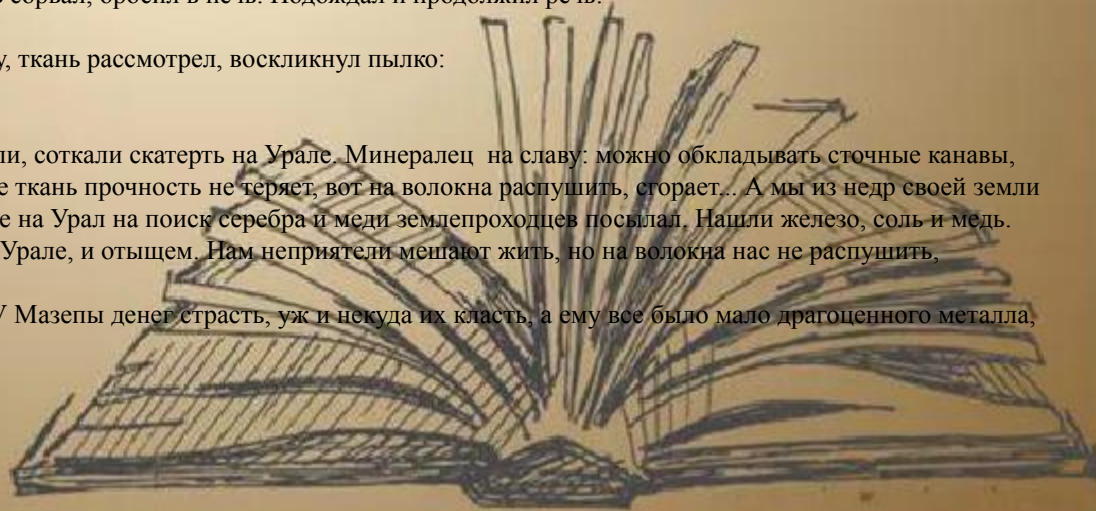
Вот чудо! Все вскочили с мест. Гость взял стекло увеличилку, ткань рассмотрел, воскликнул пылко:

- Так это хризотил - асбест!

Петр был ничуть не удивлен.

- По-русски это «горный лен»! Купцы Демидовы прислали, соткали скатерть на Урале. Минералец на славу: можно обкладывать сточные каналы, огнезащитные кафшаны шить и крыши от пожаров крыть. В огне ткань прочность не теряет, вот на волокна распушить, сгорает... А мы из недр своей земли всех руд еще не извлекли. Еще мой предок Иван III к реке Печоре на Урал на поиск серебра и меди землепроходцев посылал. Нашли железо, соль и медь. Дай срок, в своей России нищей мы будем золото иметь, там, на Урале, и отыщем. Нам неприятели мешают жить, но на волокна нас не распушить, пытаются, но их труды нелепы...

И вспомнился Петру Мазепа: обвислые брови, ус сомовий. У Мазепы денег страсть, уж и некуда их класть, а ему все было мало драгоценного металла, в жадности ж обыкновенно вьет свое гнездо измена.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Вспомнился рапорт гонца запыленного, что соскочил с жеребца запаленного:

- Государь, нет гетмана на Украине, перебег с запорожцами к шведской дружине. В городке Батурине оставил склад, с королем идет к нему назад.

Но в ночь, как Швеция к складу подошли, мы городок Батурин подожгли. В гуще снежного пепла и шороха остался Карл без харчей и без пороха. Его же обоз, восемь тысяч вozов, пропал в глубине белорусских лесов: и с порохом и с артиллерией всей царем был разбит, частью взят, как трофей. Вот и увяз Карл в нашей земле, как топор в сыром стволе.

А зима лютовала в тот памятный год. Было Черное море заковано в лед. Злой морозец, как Малюта, свирепел, кнутами жег. Оловянная посуда рассыпалась в порошок. Кутался швед в плащ убогий, обвертев соломой ноги. А у русских лишь походка легче, чем морозец крепче.

Королю-то что! Спал на перине шелковой да грецкие орехи пощелкивал, а королевская свита ужинала вполсыта. А уж драгун, дрожью осыпанный, трясся в синем мундире, как гусь общипанный. До рассвета ерзал на подстилке мерзлой. Чуть задремлет, так приснится: труба дымится, в печке горшок с горохом томится... Но то и плохо, что нет и гороха. В каждой избе пуст и погреб и стол, жители ушли из сел, спрятали припасы в дебрях леса, где туман творожного замеса. Рад тот солдат, кто смог разжиться сухарикам или кашницей.

- Ну что за варварский народ! - сердчались в ставке генералы. - Вот немец, тот нам сам несет и сыр, и колбасу, и сало. А здесь жгут хлеб, крушат понтоны...

Их речь продолжилась не раз в брюзжании Наполеона и в злобе фюрера на нас.

Карл был знаменит, взошел в свой зенит. Честолюбив, беспечен, юн, упрямый, как бычок-бодун. Любимая потеха у героя: деревни поджигать со всех сторон, прокалывать штыком, связав по трое, солдат Петра захваченных в полон.

Спит, видит: над Россией всей заря выносит лучики, как от воздушных крепостей сверкающие ключки. Своим генералам спросонок изрек:

- Славянам под Нарвой урок неж в прок. Я пойду в наступление, Россия - мое владение. Ее основал Рюрик, Морской король, скандинав. Или я не прав? Нет хлеба в войсках? Это дело поправим! Пойдем на Москву, но сначала к Полтаве... Возьмем там запасы картели и мяса.

И генералу молвил: - Спарр, я отдаю Москву вам в дар!

О, сколько раз своим войскам Москву захватчики дарили! И Гитлер грезил по коврам по ней промчатъ в автомобиле. Она ж стоит, чиста, горда, и, точно сердце всей державы, горит кремлевская звезда, в ее лучах есть луч Полтавы.

Припомнилась на дружеском пиру Полтавская баталия Петру.

Хлынула в тот год весна в долины, как вода с отворенной плотины. Под Полтавой светлые поля, словно облаками, притемнило: к стенам по приказу короля подступила воинская сила.

Но встретил недруга дым пушечный, а не печной, избушечный!

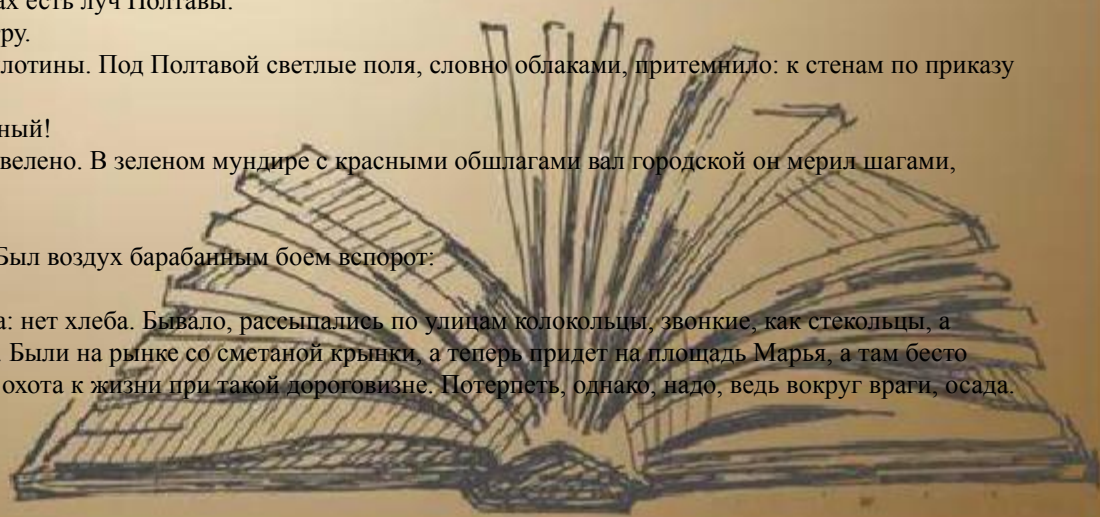
Коменданту Полтавы полковнику Келину город сдавать не велено. В зеленом мундире с красными обшлагами вал городской он мерил шагами, оборонял Полтаву, командовал наводчикам - пушкарям:

- Хобот вправо!

Перед Полтавой восемь раз парламентар флажочком тряс. Был воздух барабанным боем вспорот:

- Сдавайте город!

А в городе нужда и голод. У деток личики желтей, чем репа: нет хлеба. Бывало, рассыпались по улицам колокольцы, звонкие, как стекольцы, а теперь разбросаны осколки, хоть сгребай их со двора метелкой. Были на рынке со сметаной крынки, а теперь придет на площадь Марья, а там бесто варье. За хлеба горбушку давай алтын, а не полушку. Пропадет охота к жизни при такой дороговизне. Потерпеть, однако, надо, ведь вокруг враги, осада.

к 350-летию со дня рождения Петра I

На зеленом на лугу армия стоит в кругу, по Полтаве швед стреляет, только порох зря теряет.

Кладет у стен за трупом труп, и вновь бросается в атаку, но не продвинулся, однако, ни на куриный переступ. Полно приовражье силою вражьей. Тащат лестницы, штурма предвестницы. Хотят под стены подрывться, минным подкопом внедриться. Но Карл-то каков! Обратил в землекопов изменников - казаков. А разве это им по нраву: класть мины под свою ж Полтаву? Но поделом им, вдругорядь забудут знать, как изменять.

А пока стучат заступы и лопаты. Обманул запорожцев Мазепа, уверив, что царь их запишет в солдаты. Им вольная воля была дорога, а стали, глядишь, спину гнуть на врага. Жеребенок играл да не знал, что попозже будут хомут и вожжи.

Швыряет глину казачок Хвалько, вздыхает глубоко:

- Труд окопный, что рудокопный. У Карла и для друга наготове шелепуга. Чуешь, Назар, что говорю, а не уйти ль нам с повинной к царю?

У полтавских стен и смрад и тлен. Но вновь в возваниях король на раны шведам сыплет боль:

- Там ждет нас всех еда,
И вина, и приправа,
Идите же туда,
Куда ведет вас слава!

Быть может, он и понял вдруг, что славы здесь не приумножит, но нитку, что соткал, паук втянуть в себя уже не может. Глядит король, как льется кровь, и у него не дрогнет бровь. И тень убийственной улыбки не сходит у него с лица. Не молоком был вскормлен в зыбке, а словно пил настой свинца.

- Нам, шведам, страх неведом! Вперед! В Полтаве ждет успех!

Но сладок жабе был орех, да вот зубов нет, как на грех!

А Петр не дремал, он полки собирал, к кристаллу приращивал новый кристалл. Ему не до шахмат, любимой игры, сам выточил их, но убрал до поры. К Полтаве пришел, из мортиры послал пустое ядро горожанам с письмом. И Келин, полковник, хоть очень устал, депешу прочел с просветленным лицом:

- Держитесь, полтавцы, отважные друзья, готовим подклепку для вашей кольчуги!

И ночью весенней, пройдя сквозь болото, на помощь Полтаве пробилась пехота. А царь озабочен: вдруг Карл отведет за Днепр все полки от полтавских ворот. Вдруг боя не примет в решающий час, отступит, окрепнет, вновь грянет на нас? Что делать, как быть?

Без отваги не выбраться из передраги, и хитрость нужна, ведь на то и война.

Вновь вспомнил Мазепу. Двуличник, предатель. А все же поверил ему неприятель. «А что, если к Карлу послать храбреца, как будто он мне изменил до конца? Он скажет: - У русских в переднем ряду есть полк необученный в серых кафтанах, а я новобранцев в резерв отведу, в их форму оденется полк ветеранов. А чтобы поверил лазутчику швед, он будет в гвардейскую форму одет. Коль тайный лазутчик мой выдержит роль, то сам с нами битву затеет король. Кого же послать? Ведь посланца убьют, как только, зачем он явился, поймут.»

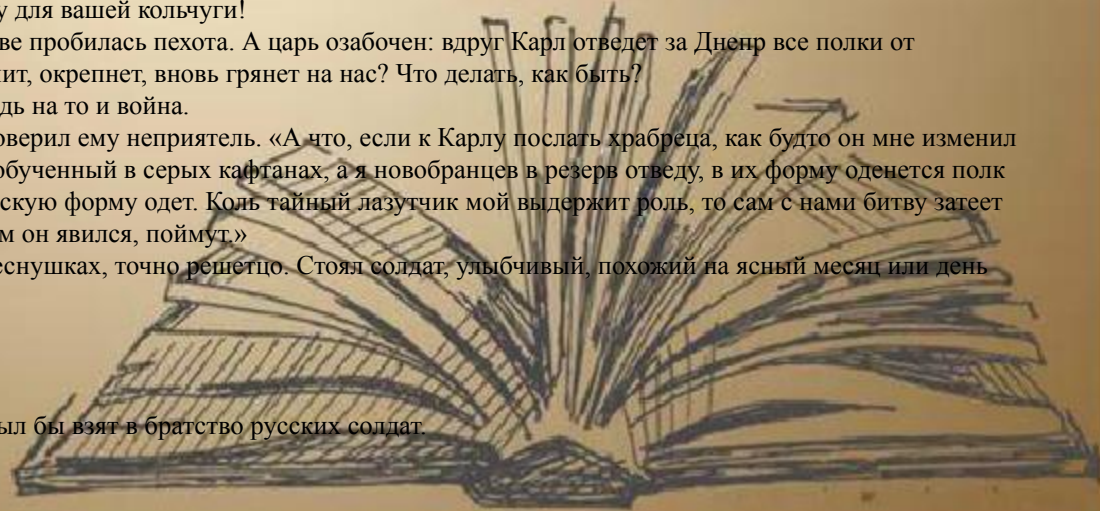
Припомнил Петр военный смотр, одно солдатское лицо в веснушках, точно решетцо. Стоял солдат, улыбочивый, похожий на ясный месяц или день погожий.

- Как звать? - вонзил царь грозный взгляд.

- Кравчук.

- Чему ж ты, братец, рад?

- Тому, что пропилю бы умок под кабацкий шумок, кабы не был бы взят в братство русских солдат.

к 350-летию со дня рождения Петра I

Подумав, Петр захохотал:

- Капралом хочешь быть? - сказал. - Почему? - удивился, услышав в ответ солдатское «Никак нет.»

- У солдата ружье, у капрала - батожье, не довернешься - бьет, и перевернешься - бьет. Чем своим дарить колотушки, лучше налить в супостата из пушки.

- Ах, вон оно что! Так пойдешь в артиллерию.

- Благодарю, государь, за доверие.

И, не спросив, откуда он родом, царь заспешил к близстоящим ротам. А родом Кравчук из той древней земли, где предки его лес дремучий секли, на деготь бересту драли, пустоши бороновали. Был дом у него небогатый, пол в нем щелеватый, но детям была и ласка, и сказка, и горстка тепла. Работать умел, был и в играх смел: в рубашке кумачной ходил в бой кулачный.

И вспомнил царь того солдата. И храбр, и шустр, ума палата. И порешил: «Пойдет Кравчук.» Призвал он пушкаря среди ночи. Все объяснил.

- Иди, мой друг! - и обнял, долго глядя в очи.

Потом был слух, что был пленен в Полтавский бой изменник некий был якобы казнен... Кто ж он? Царь умолчал о том навеки.

...И вот бушует шумный пир. Царь в печь глядит, как пламя бьётся. Кравчук, Кравчук... Тот канонир пропал, сгорел, как волоконце. Его бы наградить не жаль. Найдись он, то за честь и веру, на золотой цепи медаль вручил, как унтер-офицеру. Вдобавок за Полтавский бой, за славный подвиг безымянный на узкой ленте голубой знак приколот к петле кафтанной. Он свято выполнил свой долг, и Карл, ударив на рассвете на наш переодетый полк, не новичков - гвардейцев встретил.

Петр за жестокой перестрелкой следил, глаза сощури в щелки.

Коня пришпорил своего:

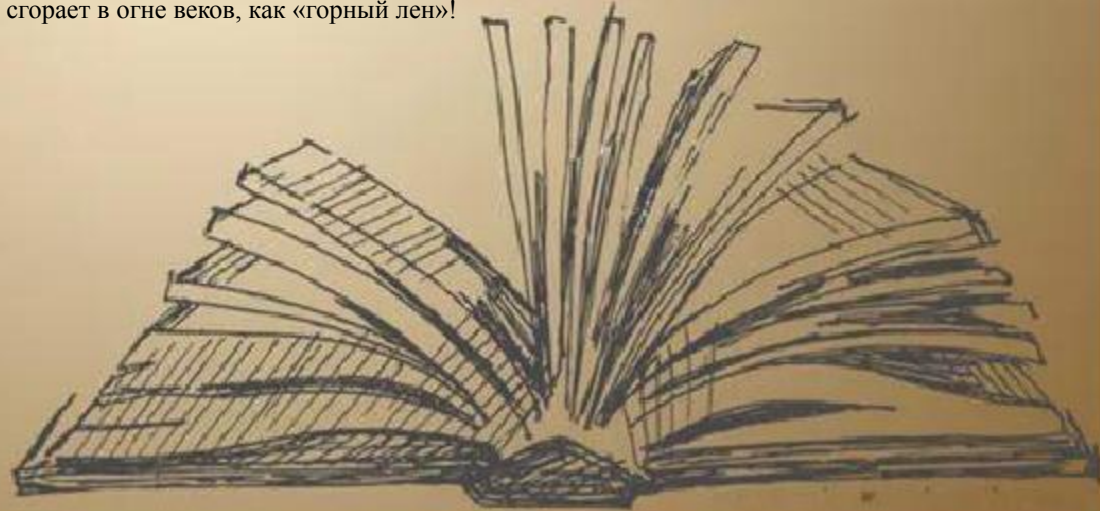
- Пошли врага косить, ребята! Кто плохо косит, у того невеста будет рябовата!

И на персидском жеребце под раскаленные осколки помчал не в золотом венце - в пробитой пулей треуголке. От пули крест вдавился в грудь. Бог спас! Когда б левой чуть-чуть... Тогда, подобно волоконцу, и он бы сам сгорел в бою. Но ткань народа не сожжется, всех порознь не предать огню. Те нити, что народ теряет, всегда прирашивает он, и потому он не сгорает в огне веков, как «горный лен»!

- Пир кончен! Унесите кубки. За дело, день труда пришел!

Царь встал.

И пепел из глиняной трубки выколотил об стол.

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

Император Петр Великий – одна из ключевых фигур российской истории. Царь-реформатор, прорубивший окно в Европу, строитель и корабел, полководец и завоеватель.

Наследие решений, принятых в петровское время — основа, которая стала базой России, ее культуры, военного и инженерного дела, административной структуры и частично правовой системы.

Санкт-Петербург, заложенный Петром I, стал одним из самых прекрасных городов мира, а для самодержца был символом новой России. За годы правления Петр превратил патриархальную Русь в огромную и мощную Российскую империю, сильную и просвещенную европейскую державу, с которой стал считаться весь мир.

Его деяния оказывают влияние и на текущую жизнь, и даже на будущее

Противоречивая и безусловно великая личность Петра оставила глубочайший след в отечественной и мировой истории, и интерес к ней со временем ничуть не ослабевает. И уже новые поколения посвятят свои литературные произведения этому великому правителю России.

к 350-летию со дня рождения Петра Великого

Спасибо за внимание

